

Кузнецова О.А.

О ВОСПРИЯТИИ ФАБУЛЫ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ XVIII в.[©]

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Россия, Москва, o_kuznetsova@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается восприятие жанра басни в России XVIII в. и фабулы как ее ключевой составляющей. Несмотря на большую предысторию, это был новый жанр, стремившийся занять место средневековой притчи, но принципиально отличавшийся от нее наличием авторского начала, возможностью ввести новые толкования, переходом от легендарного к фантастическому. Следы дискуссии о фабуле были представлены в предисловиях к переводным сборникам басен. Особое внимание в статье уделяется возможности совмещения разных интерпретаций фабулы в представлении наивного читателя. В приложении представлены читательские маргиналии начала XIX в.

Ключевые слова: фабула; басня; притча; толкование; знак.

Получена: 28.05.2024

Принята к печати: 25.06.2024

Kuznetsova O.A.

“Fabula” in the Russian culture of the eighteenth century[©]

*Lomonosov Moscow State University,
Russia, Moscow, o_kuznetsova@mail.ru*

Abstract. The article discusses the perception of the fable in Russia in the eighteenth century. It was a new literary form, which was gradually replacing the medieval parable, although it differed from it in many aspects: the presence of the author's

view, the ability to add new interpretations, the rejection of the legendary in favor of the fantastic. Various opinions about what a fable should be were presented in the introductions to the anthologies of fables. Special attention in the article is paid to the possibility of combining different interpretations of a fascinating plot from the point of view of a naive reader. The annex presents the reader's marginalia of the early nineteenth century.

Keywords: fabula; fable; parable; interpretation; sign.

Received: 28.05.2024

Accepted: 25.06.2024

Жанр басни входит в русскую культуру в XVII в. и широко распространяется в течение XVIII столетия: герои так называемых «фабул» [Кареева, 2018, с. 55] визуализируются не только в книгах, но и появляются в виде фонтанных статуй, на лубочных листах, изразцах. На Руси XVII в. первые переводные басни, доступные в основном книжным людям, чаще называли притчами: притчи Езопа Фриги, Гавриила Грека, Лаврентия Римлянина и др. [Тарковский, Тарковская, 2005]. В XVIII столетии с появлением и распространением новых переводов все чаще возникало заимствованное определение «фабула» и его словообразовательные вариации (фабулка, фабол). К началу XIX в. басенные собрания широко использовались в России в качестве учебной литературы. В период знакомства публики с этим жанром, во время дискуссий вокруг него и первых опытов авторских переложений существовало три наиболее частотных варианта наименования этих занимательных и поучительных историй: «басня», «фабула», «притча»; чуть реже встречаются «сказка», «повесть».

Разные авторы XVIII в. вкладывали в эти термины разные смыслы и формировали свои синонимические группы и оппозиции. Феофан Прокопович, нередко обращавшийся к басенным аналогиям, противопоставлял басне (то есть вымыщенному рассказу) жанр жития, говоря о неподобающих домыслах в историческом повествовании [Курилов, 1981, с. 78]. Антиох Кантемир, демонстрировавший исключительное для своего времени принятие вымысла в искусстве,ставил в один ряд «баснь», повесть и «романц» (роман) [Курилов, 1981, с. 91, 104]. М.В. Ломоносов противопоставлял сказки и французские романы (бесполезные грубые вымыслы) повести (добронравный вымысел), басне и притче, однако

находил существенные различия и между двумя последними. Притча (понятие, применяемое в том числе к Эзопову корпусу), по его мнению, непременно содержит расшифровку («прилагание», необязательную для басни (краткой истории) [Курилов, 1981, с. 184–186]. В то же время Ломоносов подчеркивал в басне особую занимательность и непредсказуемость («что-то нечаянное») – видимо, то, что Кантемир включал в понятие интриги и то, что в позднейшем литературоведении будет связано с понятием фабулы.

При всей терминологической разноголосице существовала тенденция называть басней, «баснью», «басенкой» вымысел (вредоносный из-за лживости или же полезный в своей занимательности), выделяя таким образом фабульную составляющую произведения, тогда как «притча» отсылала к древнерусской и библейской традиции и чаще использовалась для обозначения текстов с более жесткими репертуарными границами. Показательны попытки исследователей развести притчу и басню XVIII в. по критерию занимательности, игрового начала, отнеся притчу к душеполезному чтению, басню – к художественной литературе в современном смысле, допускающей авторские интерпретации, творческий подход к образам [Ольшевская, Травников, 2007, с. 16–17]. Примечательно также, что современная популярная культура заимствовала жанровое понятие «притча» для наименования построенных на основе иносказания поучительных историй самого разного происхождения – от классической басни и святоотеческого наследия до анекдота, современного авторского рассказа. Дидактизм, звучавший в этом термине для авторов XVIII в., ощущается и нашими современниками.

Негативный смысл слова «басня» (‘выдумка’, ‘чепуха’, ‘бредни’), исторически закрепившийся в русском языке, поддерживался библейским контекстом: «Скверных же и бабийх басней отрицайся, обучай же себе ко благочестию» (1 Тим. 4:7). В Вульгате в этом месте использовано слово “*fabula*”: *Ineptas autem, et aniles fabulas devita: autem te ipsum ad pietatem*. Поэтому можно предположить, что лубочная картинка «Фабол о безместном дворе» («Новый фабол предлагается / безместного двора купец объявляется») [Русские народные картинки, 1881, с. 417–419], несмотря на узнаваемый фольклорный стиль текста и многочисленные московские топонимы, была вдохновлена неким западноевропейским произведением или испытала влияние моды: экзотическое «фабол» здесь

определяет именно нагромождение небылиц, абсурдную болтовню, пародию, а не историю с сюжетом.

Басня в XVIII в. оказывается жанром на границе между каноническим и творческим, между проповедью и забавной историей, и допустимость в ней художественных нововведений будет оцениваться по-разному в зависимости от отношения авторов к литературному вымыслу как таковому. Занимательность басни оправдывалась наличием в ней иносказания – душеполезного компонента, знакомого читателю по библейским притчам:

Друг мой! Не презирай баснословия! Басня и притча есть то же. Не по кошельку суди сокровище, праведен суд суди. Басня тогда бывает скверная и бабья, когда в подлой и смешной своей шелухе не заключает зерно истины, похожа на орех пустой. От таких-то басен отводят Павел своего Тимофея (I к Тимофею, гл. 4, ст. 7). И Петр не просто отвергает басни, но басни ухищренные, кроме украшенной наличности, силы Христовой не имущие [Скворода, 2018, с. 38].

Собрание басен Григория Скороводы было издано в Москве уже после смерти автора в XIX в., но его размышления о «силе» (то есть моральном уроке) «правильной» басни в противовес пустому баснословию, которые он также излагает при помощи образных иносказаний, показательны для XVIII столетия. Обратим внимание на использование им противопоставления шелуха / зерно – точного аналога топоса cortex, putamen / medulla (скорлупа, кожура, шелуха / ядро, зерно), фиксирующего оппозицию внешней вымышленной оболочки басни и скрытой под ней истины [Robertson, 1980; Махов, 2010, с. 355]¹. Говорить о непосредственном заимствовании из какого-либо источника здесь вряд ли возможно, тем более что этот образ встречается во многих текстах – от Фульгенция и анонимного французского перевода Книги Царств, сделанного в XII в., до Боккаччо и Пико делла Мирандола. Скорее, это свидетельствует о включенности автора в европейскую поэтологическую традицию.

Осколки полемики по поводу игровой составляющей жанра басни есть также в предисловии к переводной книге Р. Летранжа «Езоповы басни»:

¹ Выражаю благодарность Е.В. Лозинской за указание на западноевропейские аналогии к цитируемым в статье текстам.

Таких скучных и противнаго нраву людей на свете немало, которые в Эмблематических фигурах представленное нравоучение за такия безделицы и игрушки почитают, которые старыя бабы или баҳари малым детям в скасках скзывают [Езоповы басни, 1774, с. 2].

Сходный образ мы можем встретить, например, у Боккаччо, выводившего за рамки поэзии «басни полуумных старух», не содержащие «ни внешней, ни прикровенной правды» [Эстетика Ренессанса, 1981, т. 2, с. 31]. Сборник «Езоповы басни» в переводе С.С. Волчкова печатался многократно в XVIII и XIX в. Перевод был выполнен с немецкого издания 1714 г. [Николаев, 2013, с. 15] – отсюда пассаж в предисловии о бессмысленной зубрежке басен в немецких школах, – однако переводчик удачно вписывает излагаемые теоретические установки в русский контекст:

Хотя сим фабулам [басни] почти во всех немецких школах детей учат, однако они по малолетству своему как сорока Якова твердят: попугай, кто пришел, кричат, скворцы каши просят [Езоповы басни, 1774, с. 11].

Еще один заимствованный из западноевропейской традиции и оправдывавший фабульность образ – покрывало вымысла, прикрывающее (или скрывающее от недостойных) истину [Robertson, 1980, р. 55–57]. В нашем случае это покрывало Басни (Fable), «на котором означаются различные звери» (*voile sur lequel on a dessiné différens animaux*) [Лакомб де Презель, 1763, с. 19–20]. Эмблематическая голая Правда кутается в него, чтобы сделать свои наставления приятными, хотя сама Басня является супругой Лжи и лишь подражает Истории. Так сказано в «Иконологическом лексиконе» Лакомба де Презеля (в переводе Ивана Акимова), но образ покрывала был общим местом и мог прийти в russkoyazychnuyu среду через другие источники. Так, Кантемир в комментарии о сиренах замечает, что поэты «истину басенными обстоятельствами прикрывают» [цит. по Курилов, 1981, с. 91]; еще конкретнее это выражено у Григория Сковороды в предисловии к его сборнику басен: «Прими и кушай с Петром четвероногих зверей, гадов и птиц <...>. Они не что суть, как образы, прикрывающие, как полотном, истину» [Сковорода, 2018, с. 39]. Подчеркнем, что в двух из трех вышеупомянутых цитат басенное покрывало вымысла связывается с животными: в одном случае на нем животные изображены, в другом сами являются покрывалом.

Иносказание, в котором зверь выступал как знак (подробнее см. [Зверь как знак, 2011; Бестиарий в словесности и изобразительном искусстве, 2012 и др. сб. серии RES et VERBA]), было хорошо знакомо уже древнерусской литературе – от притч физиологов до «Слова о рассечении человеческого естества» и старообрядческих листов, где звериные образы представляли аллегории семи смертных грехов. Бестиарные параболы постоянно фигурировали в русской книжности: они то разворачивались в отдельные сюжеты с пространными толкованиями, то сжимались до кратких упоминаний, которые могли складываться в ассоциативные цепочки – например, ряды риторических обличений. Не случайно ряды такого типа возникают в предисловиях к первым печатным сборникам басен с текстами на русском языке:

Ибо не многих ли видим свирепее львов и медведей, иных же нечистее свиней, овых же неблагодарнее псов, иных же гордее павлинов [Зрелище жития человеческого, 1712, с. 4].

«Эзоп» и похоти искоренил, и любодеяние, и лесть прогнал – и такожде сия ему лев некий и лисица, и, аще Богом угодно, конь покажет [Пригчи Эзоповы, 1700, с. 4–5].

Ярость льва, блуд свиньи, гордость павлина, лесть лисицы и прочее – все это общие места, аллегории, понятные древнерусскому читателю. Собранные вместе, они актуализируют контекст проповеди: «Не могу яве уведети тя, яко человек ли еси ты... Егда ногою биеша яко осел, скакаеша же яко бык, ржеша на жены яко конь, объядаешися яко медведь...» [Цветник, л. 20].

Бестиарные аллегории осознавались не условностью из арсенала поэтических средств, а выражением Божьего промысла, знаком высших сил, о чем прямо сказано в предисловии к сборнику «Зрелище жития человеческого»:

Всемогущий Господь Бог не точию коемуждо животному свое свойство и природу дарова, но в некоторыя от них и изрядныя обычаи и нравы насади, которая безсловесная не точию человеком в пищу, но и во многих потребы годствуют» [Зрелище, 1712, с. 3–4].

Животные не только созданы для удовлетворения бытовых нужд человека, но и являются живыми примерами благочестивых или скверных поступков. Мир – это книга Божественных иноска-

заний, и средневековые авторы находили в Библии немало подтверждений этому тезису. В предисловии «Зрелища жития человеческого» также появляются прямые указания на Священное Писание, призывающее учиться трудолюбию у муравья, пчелы, «вопрошать четвероногих» (Иов 12:7–8; Притч 6:6–11). Таким образом, средневековые притчи и басенные сюжеты были представлены звеньями непрерывной литературной традиции: муравей притчи Соломона, который «многое в лето творит уготование», – та же фигура, что и мравий, поучающий беспечного сверчка. Поэтому в басенные сборники XVII в. органично входят даже легенды из бестиариев – о ловле бобра, тигра, о нападении кита на корабль и др.

Развитие идеи сакральности звериных иносказаний, в частности символического смысла наделения животных речью (прочитанные знаки), находим в латинском предисловии Aesopi Fabulae, которое было переведено на русский язык и впоследствии неоднократно издавалось (с небольшой стилистической правкой). Все заговорившие звери, от льва до самой жалкой черепахи («ниже нема зде есть и желвъ» [Притчи Эзоповы, 1700, с. 4]), нужны для исправления человеческого рода, а вовсе не для забавы:

Эссоп_же в описании жития человеческаго едва не все притчи (Fabulas) сложил, иже не без_вины зверем присвои речь, си есть глагол [там же, с. 4–5]

Итак, в традиционном прочтении за сюжетом басни стоит одна единственная возможная расшифровка, задуманная самим Творцом. Тем не менее все больше появлялось сюжетов, в основе которых лежала отнюдь не библейская аналогия, а какая-то каверза – хитрая проделка, остроумный ответ, роковое стеченье обстоятельств. Очевидно, помещение такой выдуманной фабулы на место притчи, Божественного знака, вызывало недоумение, если не раздражение и отражало столкновение двух типов мировоззрения – эмblemатического и средневекового [Махов, 2022, с. 206]. Хорошей иллюстрацией неприятия этого замещения являются ряды оппозиций, выстроенные в предисловии к Букварю Федора Поликарпова 1701 г.: вместо человеческих изобретений, древнегреческих и латинских, читателю предлагаются сочинения, включенные в эту книгу, которые созданы посредством Божественного вмешательства или освящены авторитетом Церкви:

Зде укрепитеся законами, не от Солона и Ликурга преданными, но от Всесвирца Бога другу его Моисею на дву скрижалех дарованными десятословно, и прочими не от Цицерона и Сократа, но от церковных украсителей <...>. Зде осияжете стихи не Овидиевы, ниже Виргилиевы, но крайнейшаго ума богословии Григория <...>. Не Есопа Фригийского зде смехотворныя узрите басни типографско зrimы, но обрящете себе предложен стостепенный в небо воход, стоглав глаголю Геннадия патриарха святаго <...> [Букварь, 1701, л. 5].

Произведение, противопоставленное басням Эзопа, представляет собой собрание кратких наставлений о вере, различных добродетелях и грехах – в некотором смысле это традиционные «притчи» без фабульной части.

При этом в переведенном Федором Поликарповым сочинении Стефана Яворского «Риторическая рука» в арсенал образов, которые могут стать орудием благочестивого писателя, входят «естественные» (от Бога) и «художественные» (выдуманные человеком); говорится о возможности использовать в качестве примеров (доказов) «изобретенные» символы, эмблемы, разнообразные притчи и басни [Курилов, 1981, с. 81–83]. Близость эмблемы и басни хорошо ощущалась Феофаном Прокоповичем, который представлял лисицу как эмблему лести, приводя одновременно и эзоповский, и иконологический контексты [Довгий, 2013, с. 8]. Басня как загадка, иероглиф (иероглифика мыслилась в то время как система символических изображений) представлена в предисловии к сборнику Летранжа. Хотя простонародные глупые повести и шутки не могут приносить пользу юношеству, но лекарство не обязательно должно быть горьким: человек вовсе не настолько глупо создан, чтобы лишь неприятное шло ему на пользу. Естественное любопытство ребенка, увлечение «сказками» и «историями» может быть использовано изобретательным педагогом, который сопроводит увлекательную фабулу ясно сформулированной «силой», душеполезным уроком, разгадкой:

...приятнее сего быть не может, как под образом гадания предлагать; а сие символическое представление с нравоучительными пользы исполненными напоминаниями и премудро закрытыми гаданием еще в древнейших веках начало свое взявши до нас дошло. Иероглифическая фигуры Египтян и вся история о языческих богах, также мудрые вымыслы славных в древности людей, ничто иное как часть философической Митологии, которая за такой способ найдена, дабы сению и образованием подлинное состояние и причины всего людям показать. [Езоповы басни, 1774, с. 7].

«Гадательный» характер взаимодействия с басней является наследием культуры барокко. Для авторов XVII в. (Симеона Польцкого, писавшего вирши в том числе на Эзоповы сюжеты и прилагавшего к ним расширенные толкования) не возникало столь мощного диссонанса между авторским изобретением и каноном, поскольку их игра с контекстами была сосредоточена в моралистической части, тогда как повествовательная часть сохраняла схематизм [Сазонова, 1989, с. 142–143]. Соотнесение эмблематического символа с библейской цитатой, пусть и весьма неожиданное, нанизывание разнообразных отсылок составляло суть разгадывания все тех же иероглифов Творца. Но усиление фабульного начала в басне XVIII в., по-видимому, вызвало гораздо больше спорных ситуаций, несмотря на то что литература Нового времени шла по пути усиления авторского начала.

Для современных историков литературы большой интерес составляет соотнесение моралистической части в переложениях басеных сюжетов профессиональными литераторами. Дидактический вывод, на котором фокусируется тот или иной автор (или принципиальный отказ от формулировки вывода), соотносится исследователями с биографическим контекстом, расширяет представления о мировоззрении писателя. Однако впечатляющее количество вариаций морали, возникающих у басенного сюжета, в конечном счете отражает смысловой перевес собственно фабульной части – наиболее яркой и легко воспроизводимой, играющей в новых контекстах. Для наивного читателя (слушателя, зрителя) басня могла сводиться к набору персонажей и их атрибутов, позволяющих припомнить ключевой сюжетный поворот истории.

Замечательным отражением процесса умножения толкований вокруг фабулы является басennyй сборник 1712 г. «Зрелище жития человеческого» в переводе А.А. Виниуса с читательскими маргиналиями¹, хранящийся в РГБ (МК Н-740) и принадлежавший, видимо, в конце XVIII – начале XIX в. семье секунд-майора Ев-

¹ Восприятие текстов читателями прошлых эпох – предмет анализа в «истории чтения» (*history of reading*). Одним из источников, позволяющих реконструировать читательские реакции, а также индивидуальные прочтения произведений, являются маргиналии, изучение которых активизировалось в западной науке в последние два десятилетия (см. [Jackson, 2001; Schurink, 2007; Van der Laan, 2020].

стигнея Яковлевича Болкашина, который служил в г. Зубцове дворянским заседателем уездного суда [Русское служилое дворянство, 2003, с. 47]. В этой семье «Зрелище жития человеческого» определенно использовалось как учебная книга, а потому в ней множество характерных детских маргиналий: таблица умножения чисел от одного до пяти, записи начала алфавита, каракули, игровое копирование коротких фрагментов печатных текстов (заголовков басен). Основным (возможно, единственным) автором пометок, скорее всего, была Татьяна Евстигнеевна Болкашина, писавшая на свободном месте свое имя. Главный интерес представляют маргиналии, связанные непосредственно с содержанием сборника. Из некоторых басен, вероятно, по заданию учителя, делалась аналитическая выжимка, которая обычно записывалась на пустой стороне листа (чаще всего это лист с гравюрой, которая относится к басне и предваряет ее текст). Записи представляют собой как личные читательские высказывания, поначалу довольно наивные, так и выписки из другого басенного сборника – происходит совмещение текстов из нескольких книг. Утраченный текст басни «О козле, овце и о волке» (см. маргиналию к тексту на с. 100 в Приложении) дословно списывается из другого сборника, несмотря на неполное совпадение персонажей («Волк, коза и овца»). Источником этой и, похоже, ряда других выписок была некая книга, которая предшествовала изданию 1821 г. «Отборнейшие Эзоповы басни, издаваемые Михайлом Маклаковым». Например, показательно, что отражение в воде пса с куском мяса в «Зрелище жития человеческого» названо словом «подобие», а не «сень» или «тень», тогда как выписанная мораль близка наставлению из «Отборнейших басен» (см. Приложение, с. 236). Кроме того, на свободных листах с большей или меньшей привязкой к последующей басне появляются поучительные стихи вроде четверостишия из «Эдипа в Афинах» В.А. Озерова (с небольшой редактурой, например: «рассеяли» <боги> → «рассеял Бог»). Стихотворные тексты с большой вероятностью списаны из какого-то источника: мало ошибок, твердая рука, а на с. 52 заметно желание копировать шрифт. На страницах 152, 154, 160, 162 и 196 размещен список дамской литературы (скорее, запись на слух), куда входят произведения Жанлис, Дюкре-Дюминиля, Шатобриана, Коцебу, Августа Лафонтена (сочинения, изданные с 1805 до 1817 г.). По ходу продвижения к концу книги

почерк меняется, становится более уверенным, а пустых страниц оказывается все больше: читательница теряет к ним интерес.

За счет использования нескольких источников между исходной моралью (текстом А.А. Виниуса) и припиской возникает смысловая дистанция, иногда довольно существенная. Так, басня об обезьяне и ее детях в изложении Виниуса заключена словами о том, что чрезмерная любовь родителей портит детей, вырастающих избалованными и порочными. В приписанной Татьяной Болкашиной (предположительно) морали внимание сосредоточено на неравной любви родителей к двум детям (см. Приложение, с. 9).

Басня о лисице и котах в издании сопровождается комментарием о переменчивом колесе Фортуны. Маргиналия – в данном случае не вызывает сомнений ее книжное происхождение (ср., например, эмблему *Natura prestart arte* [Символы и эмблемата, 1705, с. 112–113]) – содержит тезис о том, что природные дарования важнее любых уловок (см. Приложение, с. 37). Басня о городской и полевой мыши содержит предупреждение о том, что богатые люди больше подвергаются искушениям, то есть им труднее попасть в рай. В маргиналии речь идет о постоянном страхе потерять богатство, то есть житейских беспокойствах богача (см. Приложение, с. 180).

Собирая и формулируя варианты морали вокруг фабулы, читательница вряд ли сознательно включается в комбинаторную игру. С большей вероятностью можно говорить о вполне традиционном и напрямую завещанном Виниусом стремлении собирать «мед премудрости» с лучших цветов. Однако в процессе этого собирания не наблюдается диссонанса, который мог быть вызван нестыковками в фабульной части и между прилагами, списанными из разных источников. Доподлинно неизвестно, насколько читатель различал авторские нюансы басеновых переложений и дидактических заключений к фабуле, которые оказались на соседних страницах. По причинам, о которых можно только догадываться, любопытная эпистолярная приписка о желании не встречать «подобных василисков» (см. Приложение, с. 4) осталась единственной в своем роде – прочие записи имеют уже вполне традиционный вид учебного упражнения. Можно допустить, что она воспринималась выходящей за границы школьного задания, но иных признаков восприятия несоответствий между текстами в сборнике не наблюдается.

Представление о фабуле как знаке, иероглифе сохранилось и в современной культуре. На многих интернет-ресурсах можно обнаружить читательские размышления о наличии в басне самого главного смысла, заложенного пусть не Богом, но «древним мудрым сказителем» и часто скрытого неволовками или злоказненными переводчиками. Понимание поучительной фабулы как источника, в котором заключены ценные исторические свидетельства или важная жизненная программа, содержится, например, в комментариях к басне Эзопа о вороне и лисице (автор использует перевод М. Гаспарова) пользователя портала Стихи.ру, пишущего под именем Елена Маркушева.

Приведем несколько цитат с сохранением авторской грамматики:

И Ляфонтен и Крылов скорее выступили переводчиками, и адаптировали под свой язык. Безусловно, Крылов создал удачное произведение, переложив его в форму стихов и лаконично изложив сюжет. Однако то, что мы знаем, не совсем соответствует смыслу басни, которую изначально закладывал Эзоп... <...> Весь смысл раскрывается в последней строчке, которая была утрачена переводчиками.

<...>

А в слове «мясо» уже заключается подлинный смысл басни!.. Это не мясо, это совсем другое слово, которое подразумевается под мясом. И что это именно заключено в последней строчке, которую не стали переводить последователи [Маркушева, 2022].

Поиск подлинного смысла в отдельных словах предполагаемого первоисточника напоминает ученый диалог, который вели со своим материалом книжные люди несколькими столетиями ранее.

Автор, пишущий под именем Константин Савитрин, также разбивает басennyй текст на компоненты и трактует каждый из них как часть символической системы. И хотя в начале статьи автор предполагает влияние на басни Эзопа пифагорейской философской школы, анализ приводит его к относительно традиционной христианской картине:

Обратимся теперь к басне «Жук и муравей» и попробуем объяснить ее символическое значение с учетом законов перевоплощения и причинно-следственной связи, а также положения о жизни человеческого духа как чередовании воплощенных и внегелесных существований. «Лето» – земное или воплощенное существование, «зима» – внегелесное или разноплановое существование. «Жук», который летом доволен своей жизнью на навозной куче, символизирует

человека, который живет земными благами и ради них, не заботясь о том, как подготовиться к существованию после смерти и что там будет [Савитрин, 2017].

Помимо свободных читательских толкований в открытом доступе находится целый корпус методических материалов о баснях Эзопа для проведения школьных уроков. При большей сдержанности трактовок в них наблюдается несколько общих мест, несомненно, указывающих на их иероглифическое восприятие. Прежде всего это объяснение самого факта использования параболы несчастливыми обстоятельствами жизни автора, а также указание на необходимость при чтении разгадывать истинный смысл текста. Можно счесть это следствием романтизации материала, попыткой сделать чтение и анализ увлекательными для учеников средней школы:

С помощью аллегории, т.е. иносказания, Эзоп замаскировал содержание своей мысли, так как ему, рабу, говорить прямо то, что он думал, было опасно. Изобретенный им язык получил название «эзопова».

<...>

Какое поучение «зашифровал» Эзоп с помощью этих героев своей басни?

<...>

Слово учителя: Сегодня мы с вами «расшифровали» две басни Эзопа или, по-другому, нашли их иносказательный смысл [Бражкина, 2015, с. 3].

На вопрос, сколько «моралей» у одной басни, можно получить противоречивые ответы: от одной, единствено правильной, до бесконечного множества, по количеству читателей¹. Этот конфликт мнений иллюстрирует два свойства басни. С одной стороны, школьная традиция актуализирует дидактическую составляющую жанра, способствует оформлению канона интерпретаций, знакомство с которым может быть полезно для получения высшего балла. Переворачивание такого канона приводит к возникновению пародии, разрушению исходной жанровой формы. С другой стороны, благодаря доступности большого числа текстов, в том числе любительских, не укрывается от внимания пользователей и игровой характер басни: легкость, с которой фабула встраивается в новый контекст, ее способность повлечь за собой шлейф интерпретаций, злободневных или обобщающих. Оценки этого явления могут

¹ См. например: <https://otvet.mail.ru/question/12503405>

быть различны, от принятия правил игры, создания новых авторских переосмыслений до попыток реконструировать некий первоначальный смысл условного старинного текста.

Последние 300 лет интерпретацией басен на русском материале занимались читатели с самыми разными интересами и разной степенью включенности в книжную традицию. Игра с иносказанием профессиональных литераторов выходит за рамки разгадывания конкретного сюжета: использование ярких образных аналогий является частью их инструментария, художественного языка, в контексте которого и формировался жанр. Иначе ведет себя неопытный интерпретатор, соприкасающийся с басней и толкованием в виде учебной модели. Чтобы одолеть каверзный вопрос (который ставит перед ним учитель, а не искусство, свободная читательская практика), учащийся обращается к авторитету различных комментаторов, не особенно соотнося их между собой. И хотя в классической басне читатель любого типа ищет за увлекательной фабулой нравственный урок, игровая и дидактическая составляющие по-разному сочетаются в восприятии.

Школьная (учебная) традиция басенных толкований в наибольшей степени соотносится со средневековой практикой поиска сокрытых ответов к загадкам мира, предложенным человеку Творцом. В обоих случаях методология разгадывания включает многократное повторение старых текстов, цитирование проверенных временем толкований-ключей. Несколько иначе устроены современные конспирологические толкования сюжетов, которые, при всем догматизме их авторов, чаще игнорируют установочные контексты. Со средневековыми и барочными интерпретациями их сближает методология кропотливого разделения сюжета на отдельные компоненты, рассматриваемые как символы, и отношение к фабуле как второстепенной части параболы (схеме, *imago*) – то есть следующие за ней пояснения наиболее существенны, наиболее пространны. С усилением авторского начала в русской литературе басня перестает быть универсальным знаком, фабулы множатся, на первый план выходят их занимательность и острота. При этом для наивного читателя басенный сюжет так и остается узнаваемой обложкой, некой актуализируемой картинкой, комментарий к которой нужно вспомнить и соотнести с текущей ситуацией.

Приложение

Далее приводятся маргиналии из сборника «Зрелище жития человеческого»: собрание НИО редких книг (Музея книги) РГБ МК Н-740, связанные напрямую или предположительно с опубликованными в нем баснями, в соотнесении с оригиналными приложениями из того же сборника (**набраны полуужирным шрифтом**) и генетически близкими текстами. Все тексты даются в оригинальной орфографии и пунктуации, сопутствующие пояснения заключены в круглые скобки и выделены *курсивом*. Нумерация листов приводится в соответствии с печатным изданием, нумерация страниц рукописная.

К БАСНЕ «ГО ВАСІЛІСКЪ И ГОРНОСТАЕ»

с. 4. Вы паходжы на_гарнастаину дай богъ чтобы с_вами ни_кахга падобны василиски не повъ-стричались

ето саветь для татьяны въсегнеивъны

Василискъ (подпись на листе гравюры сбоку)

с. 6. Гораздо лутше имъть умъ нежели силу что можно видѣть изъ сеи басни что хитростю скарей можно победить нежели силою

л. 7. Тъмъ научаетъ, яко и безъилные хїтростю протїву сїлныхъ стояти могутъ. И себе не точію оброняти, но и сїлу непрїятелен своїхъ сокрушать.

К БАСНЕ «ГО ПИФИКЪ И ДѢТЕ(Х) ЕА»

с. 9. Между ліодми ето очень часто случается многє мат҃ери и_отцы любять дѣти своихъ неравно адново ласкаютъ занимаются имъ а другово оставляютъ въ_унынїи

л. 10. Сею прїгчею являеть, яко родїтелемъ не достоїть чадъ своїхъ воспїтовати въ велїкомъ лакомствѣ и любви безмърнѣи. Ибо возрастше безъ наказанїя, бывають таковї во всякихъ слобахъ превосходны.

К БАСНЕ «ГО ЛИСИЦЪ И ЖЕРАВЛЕ»

с. 13. ето называется платить тою же монетою (подпись над гравюрої).

л. 14. Лїсїца же отвѣща, юстинно есть, еже кто инымъ творїть посмѣянїе, самъ въ посмѣшїще бываетъ (формально прилог не выделен).

К БАСНЕ «СО СВЕРЧКЪ И МРАВИЙ»

с. 22. трудолюбіе въ_какомъ бы то ни_было состоянїи не_дѣлаеть безчестія но празность причиняетъ мно^{го} зло

л. 24. Тѣмъ научаетъ, яко подобаетъ намъ времѧ свое не туне изжївати, но нѣчто потребное всегда творїти, занеже нѣкіи древніи фїлософи рече, нїчтоже на земли есть дражайшо времѧне: ибо богатство изг҃бшее человѣкъ пріобрѣсти можетъ. Времѧ же мїнувшее никто можетъ возвратїти.

К БАСНЕ «СО ЛИСИЦЪ И КОТАХЪ»

с. 37. природныя дарованїя стоять болже всѣхъ притворствъ употребляемыхъ на свѣтѣ

л. 38. Тѣмъ являеть, яко мнози себе надъ иными сѣло превозносять и счастіемъ своїмъ хвалятся, и протчимъ ругаются. Имъ же аbie счастіе времѧ премѣняеть, и сверху колеса ихъ опровергаетъ. Того ради блаженъ, иже во благополучїи своемъ гордостю невозношается.

К БАСНЕ «СО ЛИСИЦЪ И ОРЛЪ»

с. 46.

На_жизненномъ пути разсеяль богъ печали,
чтобы мы радости живея ощущали
и чтобы грустїю томимый человѣкъ
въ одинъ веселья часъ забыль страданья вѣкъ

(по В.А. Озерову, предположительно соотносится с сюжетом басни)

л. 48. Сімъ являеть, яко сущімъ въ сѣлѣ велицїи недостойтъ малыхъ и немощныхъ унїчжая презрati.

К БАСНЕ «СО ТАТЬ И ПСЪ»

с. 52.

Какъ часто мы находимъ то въ скотахъ
что редко обретается въ_людахъ
(предположительно соотносится с сюжетом)

л. 54. Тѣмъ являеть, яко всякому рабу подобаетъ предгосподїномъ своимъ вѣрино служїти, имънїя его стреш^и якоже свое, и нї какихъ ради даро^{въ} непрелющатїся.

К БАСНЕ «ГО ОРЛЪ И ВОРОНЪ»

с. 73. сїи вороны были, есть и будут
(предположительно соотносится с сюжетом)

л. 78. Являя тѣмъ, яко всякии человѣкъ сїце погибель свою ищеть,
якоже врань сеи, иже подъемлетъ дѣла не по силѣ свои, и вящше на себе
бремя полагаетъ, нежели носити можетъ.

К БАСНЕ «ГО ПІФІКЪ ТО ЕСТЬ ОБЕЗЬАНЪ И КОТЪ»

с. 92. Бедность вездѣ презираема бываетъ

л. 94. Сїце велможи и властеліе руками подданныхъ своихъ достизають
многїя земли и грады отъ среды огня лютые браны.

К БАСНЕ «ГО СТАРОМЪ ОСЛЬ, И МЛАДОМЪ КОНЪ»

с. 94. Обманываются когда поставляют щастіе въ_вещахъ которыя можно
потерять всякою минуту посредственное состояніе есть самое щастливѣшее изъ
всехъ, потому что тогда живутъ свободно и щастливо

Научая тѣмъ, яко мнозии обрѣтаются неудоволни житиемъ, в немже
живутъ, и непрестанно мыслять высокая, забывающе, яко многия подобныя
имъ в тяжких бременахъ одержими пребываютъ.

(Отсутствует в книге, цит. по [Тарковский, Тарковская, 2005, с. 325])

«ГО КОСЛѢ ОВЦѢ И О ВОЛКѢ»

с. 100. (К сохранившейся гравюре, вместо утраченного текста басни.
Прилог отсутствует)

Волкъ коза и_овца

Ягненокъ следовалъ вездѣ за козломъ не оставляя его ни на шагъ волкъ кото-
рои подъ_стегегаль его желаль бы удалить его отъ него чтобы получить себе въ до-
бычу какъ ты глупъ говориль онъ что оставя мать свою следушъ за_етимъ
мѣрзвацомъ Э отвечаль ягненокъ да знаешь ли ты что мать то_и приставила его ко мнѣ
сь тѣмъ чтобъ мѣня защищал<ъ> а тебѣ бы хотелось заманить меня въ уголь и съесть

Волкъ, козель и ягненокъ.

Ягненок слѣдоваль вездѣ за козломъ, не оставляя его ни на шагъ. Волкъ,
которой подстерегаль его, хотѣль его отвлечь отъ козла и съѣсть. Как ты глупъ,
говориль онъ ему, что, оставя мать свою, слѣдуешь за этимъ мерзскимъ козломъ.
Да, отвѣчаль ягненокъ, знаешь ли ты, что мать приставила его ко мнѣ съ тѣмъ,
чтобъ меня защищать; а тебѣ хотѣлось заманить меня въ сторону и съѣсть.

Теперь скажи пожалуй, къ кому изъ обоихъ васъ я долженъ имѣть довѣренность?
[Отборнейшие Эзоповы басни, 1821, с. 16]

К БАСНЕ «ГО СМІИ И О ЕЖЪ»

с. 110. Неблагодарность противъ благодѣтѣлѣй есть ужасной порокъ

л. 112. Тѣмъ являеть, яко мнози неблагодарніи человѣцы, благодѣяніе отъ иныхъ имъ бываемое не точїо вскорѣ забывають, но и за благое сло воздаютъ.

К БАСНЕ «ГО ЛОВЦЪ И РАПЦЪ»

с. 169. Неть гнуснея ремесла какъ быть предателемъ и донощикомъ

Сие являя, яко человѣковъ, ищущихъ братию свою въ сѣти уловити, – сами тако уловляеми бывають. Ибо аще кто брату своему яму ископаетъ, самъ въ ню прежде впадаетъ.

(Отсутствует в книге, цит. по [Тарковский, Тарковская, 2005, с. 344])

К БАСНЕ «ГО ПОЛЕВОЙ И ГРАДСКОЙ МЫШЕ»

с. 180. лутче быть въ бѣдности но жить въ спо^{ко}истивїи нежели въ_богатстве вовсегдашнемъ страхе потерять его

л. 182. Сїце человѣцы иже въ нїщетѣ со удоволствомъ жївуть, всякаго покоя и тїшны сподобляются, жївущи же въ пространствѣ и богатствѣ, прїчастны, не точїо велїкому паденїю, но и многимъ бѣдамъ и тяжкымъ грѣхамъ подпадаютъ.

К БАСНЕ «ГО ЧЕРЕПАХЪ И ЗАЙЦЪ»

с. 209. Толко постоянствомъ можно успевать во всемъ

л. 206. Тѣмъ являеть, яко мнозї дѣла своя съ великомъ поспѣшеніемъ необмыслись начїнаютъ, і прежде совершенства во умѣ себе лєстя, чають что все получили. Сего ради подобаетъ во всякихъ <дѣ>лѣхъ прежде начїнанїя добрѣ обмыслїтсѧ, і потому съ тїостїю начїнати, и не съ славою къ совершенству прїводїти.

К БАСНЕ «ГО НѢКОЕМЪ ПСЪ»

с. 236. Сколко людей гоняются за тень^ю когда дѣйствител^ьно что имѣютъ

л. 238. Сїце случается таковыми, иже непрестанно ищутъ большихъ имѣюще доволная, таковїи овогда и въ рукахъ имуще лїшаются, і искомо не обрѣтаютъ.

Сколько людей теряют настоящее добро, гонясь за обманчивою тѣнью щастія! [Отборнейшие эзоповы басни, 1821, с. 11].

Список литературы

- Бестиарий в словесности и изобразительном искусстве : сб. статей / науч. ред. О.Л. Довгий, сост. А.Л. Львова. – Москва : Intrada, 2012. – 183 с.
- Боккаччо Дж.* Генеалогия языческих богов // Эстетика Ренессанса / сост. В.П. Шестаков. – Москва : Искусство, 1981. – Т. 2. – С. 7–67.
- Бражкина Н.А.* «Так говорил Эзоп...», или Опыт типологического прочтения басни в школе / УГППУ им. И.Н. Ульянова. – 2015. – URL: <https://studfile.net/preview/1622067>
- Букварь славено-греко-латинский. – Москва : Синодальная типография, 1701. – 159 л.
- Довгий О.Л.* Пётр – победитель зверей и стихий (по сочинениям Феофана Прокоповича) // Бестиарий и стихии : сб. статей. – Москва : Intrada, 2013. – С. 6–19.
- Езоповы басни с нравоучением и примечаниями Рожера Летранжа вновь изданныя, а на Российской язык переведены в Санктпетербурге канцелярии Академии Наук секретарем Сергеем Волчковым. – Санкт-Петербург : Академия наук, 1774. – 515 с.
- Зверь как знак / сост. и общ. ред. В.Ю. Михайлина, Е.С. Решетниковой. – Саратов : ЛИСКА, 2011. – 267 с.
- Зрелище жития человеческаго, различными животных притчами. И старожитных людем примерами. Всякому добрых нравов в научение, предпоставлено. / Напечатано же повелением его царского величества ; [пер. А.А. Виниуса]. – Москва : [б.и.], 1712. – 248 с.
- Кареева Н.Д.* Фонтанные фигуры исчезнувшего лабиринта Летнего сада // Петербургские искусствоведческие тетради / Ассоц. искусствоведов (АИС), Твор. союз историков искусства и худож. критиков России ; [сост.: А.Г. Раскин, Н.Е. Фролова, Л.Н. Митрохина]. – Санкт-Петербург : [б.и.], 2018. – Вып. 52. – С. 49–88.
- Курилов А.С.* Литературоведение в России XVIII века. – Москва : Наука, 1981. – 264 с.
- Лакомб де Презель О.* Иконологический лексикон, или Руководство к познанию живописного и резного художеств, медалей, эстампов и проч. с описанием, взятым из разных древних и новых стихотворцев. – Санкт-Петербург : Императорская Академия наук, 1763. – 344 с.
- Маркушева Е.* Ворона и лисица Крылова плагиат? – 2022. – URL: <https://stihi.ru/2022/10/18/6301>.
- Махов А.Е.* Жанр эмблемы в европейской книжной культуре XVI – начала XVII в.: проблемы герменевтики и поэтики. – Москва : ИМЛИ РАН, 2022. – 208 с.
- Махов А.Е.* Многосмысленное толкование // Европейская поэтика от Античности до эпохи Просвещения : энциклопедический путеводитель. – Москва : Издательство Кулагиной – Intrada, 2010. – С. 343–357.
- Николаев С.И.* «И мы яблока плывем» (из фразеологии журнальной полемики 1769 г.) // Аониды : сб. статей в честь Натальи Дмитриевны Кочетковой / Ин-т русской лит.

- (Пушкинский дом) Российской акад. наук ; [отв. редакторы: Н.Ю. Алексеева, А.А. Костин]. – Москва : [б. и.] ; Санкт-Петербург : Альянс-Архео, 2013. – С. 7–16.
- Ольшевская Л.А., Травников С.Н.* «Ох! Басни – смерть моя! Насмешки вечные над львами! Над орлами!» (история и теория русской басни XVII– XVIII веков) // Русская басня. История и теория жанра : сб. науч. статей / отв. ред. С.Н. Травников. – Москва : Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина, 2007. – 224 с.
- Отборнейшие Эзоповы басни, издаваемые Михаилом Маклаковым. – Москва : Тип. П. Кузнецова, 1821. – 42 с.
- Притчи Эзоповы. – Амстердам : Тип. Ивана Андреева Тесинга, 1700. – 148 с.
- Русские народные картинки. / собрал и описал Д. Ровинский. – Санкт-Петербург : Императорская Академия наук, 1881. – Кн. 1. Сказки и забавные листы. – 509 с.
- Русское служилое дворянство второй половины XVIII века, (1764–1795) / сост. В.П. Степанов. – Санкт-Петербург : Академический Проект, 2003. – 829 с.
- Савитрин К.* Толкование эзоповой басни. – 2017. – URL: <https://proza.ru/2017/09/20/1149>.
- Сазонова Л.И.* От басни барокко к басне классицизма // Развитие барокко и зарождение классицизма в России XVII – начала XVIII в. / отв. ред. А.Н. Робинсон. – Москва : Наука, 1989. – С. 118–146.
- Символы и эмблемата / сост. Я. Тессинг, И.Ф. Копиевский. – Амстердам : тип. Генриха Ветстейна, 1705. – 306 с.
- Сковорода Г.С.* Наставления бродячего философа. Полное собрание текстов. – Москва : ACT, 2018. – 560 с.
- Тарковский Р.Б. Тарковская Л.Р.* Эзоп на Руси. Век XVII. Исследования. Тексты. Комментарии. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2005. – 547 с.
- Цветник. ГАТО, Ф. 1409, оп. 1, № 1191.
- Jackson H.J.* Marginalia: readers writing in books. – New Haven (Conn.) ; London : Yale univ. press, 2001. – 324 p.
- Robertson D.W.* Some medieval literary terminology, with special reference to Chretien de Troyes // Robertson D.W. Essays in medieval culture. – Princeton : Princeton univ. press, 1980. – P. 51–72.
- Schurink F.* “Like a hand in the margine of a booke”: William Blount’s marginalia and the politics of Sidney’s *Arcadia* // The review of English studies. – 2007. – Vol. 59, N 238. – P. 1–24.
- Van der Laan S.* Poetics in practice: how Orazio Lombardelli read his Homer // The reception of Aristotle’s *Poetics* in the Italian Renaissance and beyond: new directions in criticism / ed. by Brazeau B. – London [etc] : Bloomsbury academics, 2020. – P. 157–177.

References

- Dovgij, O.L. (Ed.). (2012). *Bestiarij v slovesnosti i izobrazitel’nom iskusstve*. Moscow: Intrada.
- Boccaccio, G. (1981). Genealogiya yazycheskih bogov. In V.P. Shestakov (Ed.), *Estetika Renessansa* (vol. 2, pp. 7–67). Moscow: Iskusstvo.
- Brazhkina, N.A. “*Tak govoril Ezop...*”, ili *Opty tipologicheskogo prochteniya basni v shkole*. Retrieved from: <https://studfile.net/preview/1622067>

- Bukvar' slaveno-greko-latinskij.* (1701). Moscow: Sinodal'naya tipografiya.
- Dovgij, O.L. (2013). Pyotr – pobeditel' zverej i stihij (po sochineniyam Feofana Prokopovicha). In O.L. Dovgij (Ed.), *Bestiarij i stihii: sb. statej* (pp. 6–19). Moscow: Intrada.
- Volchkov, S. (Transl.). (1774). *Ezopovy basni s nrvoucheniem i primechaniyami Rozhera Letranza vnov' izdannyya, a na Rossijskoy yazyk perevedeny v Sanktpeterburge kancelyarii Akademii Nauk sekretarem Sergeem Volchkovym.* Saint Petersburg: Akademiya nauk.
- Mixajlin, V.Yu., Reshetnikova, E.S. (Eds.) (2011). *Zver' kak znak.* Saratov: LISKA.
- Vinius, A.A. (Transl.). (1712). *Zrelishhe zhitiya chelovecheskogo, razlichnymi zhivotnyh pritchami. I starozhitnyh lyudei primerami. Vsyakomu dobryh nравов v nauchenie, predpostavleno.* Naopechatano zhe poveleniem ego carskogo velichestva. Moscow.
- Kareeva, N.D. (2018). Fontannye figury ischeznuvshego labirinta Letnego sada. In A.G. Raskin, N.E. Frolova, L.N. Mitrohina (Eds.), *Peterburgskie iskusstvovedcheskie tetradi* (iss. 52, pp. 49–88). Saint Petersburg.
- Kurilov, A.S. (1981). *Literaturovedenie v Rossii XVIII veka.* Moscow: Nauka.
- Lakomb de Prezel', O. (1763). *Ikonologicheskij leksikon, ili Rukovodstvo k poznaniyu zhivopisnago i reznago hudozhhestv, medalej, estampov i proch. s opisaniem, vzyatym iz raznyh drevnih i novyh stihotvorcev.* Saint Petersburg: Imperial Academy of sciences.
- Markusheva, E. (2022). *Veronika i lisica Krylova plagiat?* Retrieved from: <https://stihi.ru/2022/10/18/6301>.
- Mahov, A.E. (2022). *Zhanr emblemy v evropejskoj knizhnoj kul'ture XVI – nachala XVII v.: problemy germenevtiki i poe'tiki.* Moscow: IMLI RAN.
- Mahov, A.E. (2010). Mnogosmyslennoe tolkovanie. In A.E. Mahov (Ed.), *Evropejskaya poetika ot Antichnosti do epohi Prosvetshheniya: enciklopedicheskij putevoditel'* (pp. 343–357). Moscow: Izdatel'stvo Kulaginoj – Intrada.
- Nikolaev, S.I. (2013). "I my yabloka plyvem" (iz frazeologii zhurnal'noj polemiki 1769 g.). In N.Yu. Alekseeva, A.A. Kostin (Eds.), *Aonidy. Sbornik statej v chest' Natal'i Dmitrievny Kochetkovoj* (pp. 7–16). Moscow; Saint Petersburg: Al'yans-Arheo.
- Ol'shevskaya, L.A., Travnikov, S.N. (2007). "Oh! Basni – smert' moya! Nasmeshki vechnye nad l'vami! Nad orlam!" (istoriya i teoriya russkoj basni XVII–XVIII vekov). In S.N. Travnikov (Ed.), *Russkaya basnya. Istoryja i teoriya zhanra.* Moscow: Gosudarstvennyj institut russkogo jazyka imeni A.S. Pushkina.
- Maklakov, M. (1821). *Otbornejshie Ezopovy basni, izdavaemye Mihajlom Maklakovym.* Moscow: Tip. P. Kuznecova.
- Otvety. Retrieved from: <https://otvet.mail.ru/question/12503405>
- Pritchi Ezopovy.* (1700). Amsterdam: Tip. Ivana Andreeva Tesinga.
- Rovinskij, D. (1881). *Russkie narodnye kartinki* (Bk. 1. Skazki i zabavnye listy). Saint Petersburg: Imperial Academy of sciences.
- Stepanov, V.P. (Ed.). (2003). *Russkoe sluzhiloe dvoryanstvo vtoroj poloviny XVIII veka (1764–1795).* Saint Petersburg: Akademicheskij Proekt.
- Savitrin, K. (2017). *Tolkovanie ezopovoj basni.* Retrieved from: <https://proza.ru/2017/09/20/1149>.

- Sazonova, L.I. (1989). Ot basni barokko k basne klassicizma. In A.N. Robinson (Ed.), *Razvitiye barokko i zarozhdenie klassicizma v Rossii XVII – nachala XVIII v.* (pp. 118–146). Moscow: Nauka.
- Tessing, Ya., Kopievskij, I.F. (Eds.). (1705). *Simvolы i emblemata*. Amsterdam: tip. Genriha Vetstejna.
- Skovoroda, G.S. (2018). *Nastavleniya brodyachego filosofa. Polnoe sobranie tekstov*. Moscow: AST Publ.
- Tarkovskij, R.B. Tarkovskaya, L.R. (2005). *Ezop na Rusi. Vek XVII. Issledovaniya. Teksty. Kommentarii*. Saint Petersburg: Dmitrij Bulanin.
- Cvetnik. GATO, F. 1409, op. 1, № 1191.
- Jackson, H.J. (2001). *Marginalia: readers writing in books*. New Haven; London: Yale univ. press.
- Robertson, D.W. (1980). Some medieval literary terminology, with special reference to Chretien de Troyes. In D.W. Robertson, *Essays in Medieval culture* (pp. 51–72). Princeton: Princeton univ. press.
- Schurink, F. (2007). “Like a hand in the margine of a booke”: William Blount’s marginalia and the politics of Sidney’s *Arcadia*. *The review of English studies*. 59(238). 1–24.
- Van der Laan, S. (2020). Poetics in practice: how Orazio Lombardelli read his Homer. In B. Brazeau (Ed.), *The reception of Aristotle’s Poetics in the Italian Renaissance and beyond: new directions in criticism* (pp. 157–177). London [etc]: Bloomsbury academics.

Об авторе

Кузнецова Ольга Александровна – кандидат филологических наук, научный сотрудник, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия, o_kuznetsova@mail.ru

About the author

Kuznetsova Olga Alexandrovna – Candidate in Philology, research associate, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, o_kuznetsova@mail.ru